

- [Гилберт Кит Честертон](#)
- [notes](#)
  - [Note1](#)
  - [Note2](#)
  - [Note3](#)
  - [Note4](#)
  - [Note5](#)
  - [Note6](#)
  - [Note7](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кит Честертон

Скандальное происшествие с отцом Брауном

Было бы нечестно, повествуя о приключениях отца Брауна, умолчать о той скандальной истории, в которую он оказался однажды замешан. И по сей день есть люди — наверное, даже среди его прихожан, — утверждающие, что имя его запятнано. Случилось это в Мексике, в живописной придорожной гостинице с несколько сомнительной репутацией, как выяснилось позже. По мнению некоторых, в тот раз пристрастие к романтике и сочувствие человеческим слабостям толкнули отца Брауна на совершенно безответственный и даже безнравственный поступок. Сама по себе история очень проста, своей простотой-то она и удивительна.

Троя погибла из-за Елены, этот же прискорбный случай произошел по вине прекрасной Гипатии Поттер.

Американцы отличаются особым талантом (который европейцы не всегда умеют ценить) создавать авторитеты снизу, так сказать, по инициативе широкой публики. Как все хорошее на свете, такой порядок имеет свои светлые стороны; одна из них, уже отмеченная мистером Уэллсом и другими, состоит, например, в том, что человек может пользоваться влиянием, не занимая при этом никакого поста. Красивая женщина играет роль некоронованной королевы, даже если она не кинозвезда и не стопроцентная американка по Гибсону. И вот среди красавиц, имевших счастье — или несчастье — быть у всех на виду, оказалась некая Гипатия Хард. Она уже прошла подготовку под картечью цветистых комплиментов в разделах светской хроники местных газет и достигла положения особы, у которой стремятся получить интервью настоящие журналисты.

Очаровательно улыбаясь, она успела высказаться о Войне и Мире, о Патриотизме и Сухом законе, об Эволюции и Библии. Ни один из этих вопросов не затрагивал основ ее популярности, да и трудно, пожалуй, сказать, на чем она, собственно, основывалась, эта ее популярность. Красота и богатый папаша — не редкость у нее на родине, но в ней было еще что-то особо притягательное для блуждающего ока прессы. Почти никто из поклонников в глаза ее не видел и даже не надеялся увидеть, и ни

один не рассчитывал извлечь для себя пользу из доходов ее отца. Ее популярность была просто романтической легендой, современным субститутом мифологии, и на этом фундаменте впоследствии выросла другая романтическая легенда, более красочная и бурная, героиней которой предстояло ей стать и которая как думали многие, вдребезги разнесла репутацию отца Брауна, а также и некоторых других людей.

Те, кому американская сатира дала прозвище «сестер-плакальщиц» [1], вынуждены были принять — одни восторженно, другие покорно — ее брак с одним весьма достойным и всеми уважаемым бизнесменом по фамилии Поттер. Считалось позволительным даже называть ее иногда миссис Поттер, при этом само собой разумелось, конечно, что ее муж — всего только муж миссис Поттер.

И тут разразился большой скандал, превзошедший самые заманчивые опасения ее недругов и друзей. Имя Гипатии Поттер стали связывать с именем некоего литератора, проживавшего в Мексике, американца по подданству, но весьма латинского американца по духу. К сожалению, его пороки, как и ее добродетели, всегда служили лакомой пищей для газетных репортеров. Это был не кто иной, как прославленный — или обесславленный — Рудель Романес, поэт, чьи книги завоевали всемирную популярность благодаря изъятиям из библиотек и преследованиям со стороны полиции. Как бы то ни было, но ясная и мирная звезда Гипатии Поттер блистала теперь на небосводе в непосредственной близости с этой кометой. Он действительно походил на комету, поскольку был волосат и горяч, первое явствовало из портретов, второе — из стихов. И как всякая комета, он обладал разрушительной силой: за ним в виде огненного хвоста тянулась цепь разводов, что одни объясняли его успехами в роли любовника, а другие — провалами в роли мужа. Гипатии приходилось нелегко.

Человек, который должен на глазах у публики вести безупречную личную жизнь, испытывает свои трудности — чувствует себя манекеном в витрине, где для всеобщего обозрения оборудован уютный домашний уголок. Газетные репортеры публиковали какие-то туманные фразы относительно Великого Закона Любви и Высшего Самовыражения. Язычники ликовали «Сестры-плакальщицы» допустили в своих комментариях нотку романтического сожаления, у некоторых из них — наиболее закаленных — даже хватило смелости процитировать строки из известного стихотворения Мод Мюллер о том, что на свете нет слов печальнее, чем «Это могло бы быть...» А мистер Эгер П. Рок, ненавидевший «сестер-плакальщиц» праведной лютой ненавистью, заявил,

что по данному поводу он полностью солидарен с Брет-Гартом, предложившим свой вариант известного стихотворения:

Куда печальнее нам видеть вещи суждено.
Так есть, однако ж быть так не должно.

Ибо мистер Рок был твердо — и справедливо убежден в том, что очень многого не должно было бы быть.

Он беспощадно и яростно критиковал деградацию общества на страницах газеты «Миннеаполисский метеор» и вообще был человек смелый и честный. Быть может, в своем негодовании он проявлял некоторую односторонность, но это чувство было у него здоровой реакцией на сентиментальную манеру современной прессы и так называемого общественного мнения смешивать праведное и неправедное. И прежде всего он боролся против того святотатственного ореола славы, которым окружаются бандиты и гангстеры. Правда, в своем раздражении он чересчур склонен был исходить из предпосылки, что все гангстеры — латиноамериканцы, а все латиноамериканцы — гангстеры. Однако этот его предрассудок, хотя, быть может, и отдающий провинцией, все же производил освежающее впечатление в той атмосфере восторженно-трусливого поклонения героям, когда профессиональный убийца почитался как законодатель мод, если только, по отзывам печати, он улыбался неотразимой улыбкой и носил безупречный смокинг.

К моменту, когда, собственно, начинается эта история, предубеждения против латиноамериканцев переполнили душу мистера Рока, потому что он как раз находился на их территории; решительно и гневно шагая вверх по холму, он направлялся к белому зданию отеля в живописном кольце пальм, где, по слухам, остановились Поттеры и, стало быть, находился двор таинственной королевы Гипатии. Эгер Рок даже с виду был типичный пуританин, скорей даже, пожалуй, мужественный пуританин XVII столетия, а не один из тех менее жестоких и более грамотных их потомков, которые расплодился в XX веке. Если б ему сказали, что его необычная старомодная черная шляпа, обычный хмурый взор и суровое, как из камня высеченное лицо набрасывают мрачную тень на солнечные пальмы и виноградники, он, несомненно, был бы польщен. Влево и вправо устремлял он взор, горящий неусыпным подозрением. И вдруг на гребне холма,

впереди себя, на фоне субтропического заката увидел силуэты двух фигур в таких позах, которые и у менее подозрительного человека могли бы возбудить кое-какие подозрения.

Один из тех двоих выглядел сам по себе примечательно. Он стоял как раз в том месте, где дорога переваливает через холм, четко рисуясь на фоне неба над долиной, словно нарочно выбрал и эту позицию, и эту позу. Закутанный в широкий черный плащ, в байроническом стиле, он высоко вскинул голову, которая в своей темной красе была удивительно похожа на голову Байрона. Те же вьющиеся волосы, те же глубоко вырезанные ноздри, и даже нечто вроде того же презрения к миру и негодования сквозило во всей его фигуре. В руке он сжимал довольно длинную палку, или, вернее, трость с острым наконечником: какими пользуются альпинисты, и сейчас она казалась фантастическим подобием копья. Впечатление это еще усиливалось благодаря контрасту с комическим обликом второго человека, державшего в руке зонт. Это был совершенно новый, тщательно свернутый зонт, совсем не такой, например, как знаменитый зонт отца Брауна. И сам приземистый, толстый человечек с бородкой был одет аккуратно, точно клерк, в легкий воскресный костюм. Но прозаический его зонт был угрожающе поднят, словно изготовлен к нападению. Защищаясь, высокий человек с палкой быстро шагнул ему навстречу, но тут вся сцена вдруг приобрела комический вид: зонт сам собой раскрылся, заслонив своего упавшего владельца, и противник его оказался в позе рыцаря, пронзающего копьем карикатурное подобие щита. Но он не стал заходить дальше и вонзать копье глубже; выдернув острие своей трости, он с раздражением отвернулся и зашагал по дороге прочь. Коротенький человечек поднялся с земли, аккуратно сложил зонт и тоже зашагал по дороге, но в противоположном направлении, к отелю.

Рок не слышал ни слова из того, что было сказано сторонами этого нелепого вооруженного конфликта, но, идя по дороге вслед за коротеньким бородатым человеком, он о многом успел подумать. Романтический плащ и несколько опереточная красота одного из них в сочетании со стойкой самообороной другого как нельзя лучше совпадали с той историей, ради которой он приехал в Мексику, и он заключил, что этих двоих зовут Романес и Поттер. Догадка его полностью подтвердилась, когда, войдя из-под колоннады в вестибюль, он услышал голос бородатого, звучавший не то сварливо, не то повелительно.

По-видимому, он говорил с управляющим или с кем-то из прислуги и, насколько разобрал Рок, предостерегал их против какого-то весьма опасного субъекта, появившегося в округе. — Даже если он уже побывал в

отеле, — говорил бородатый в ответ на какие-то неразборчивые возражения, — я все же настаиваю, чтобы больше его не впускали. За такими типами должна следить полиция, и, уж во всяком случае, я не позволю, чтобы он докучал леди.

В мрачном молчании слушал его Рок, и уверенность его росла; затем он проскользнул через вестибюль к нише, где находилась книга для записи приезжих, и, раскрыв ее на последней странице, убедился, что «тип» действительно побывал в отеле: имя Руделя Романеса, этой романтической знаменитости, было вырисовано в книге крупными буквами иностранного вида, а немного пониже, довольно близко друг от друга, стояли имена Гипатии Поттер и Элиса Т. Поттера, выписанные добропорядочным и вполне американским почерком.

Эгер Рок недовольно озирался и повсюду вокруг себя, даже в небогатой внутренней отделке отеля, видел то, что было ему больше всего ненавистно.

Может быть, и неразумно негодовать из-за того, что на апельсиновых деревьях — даже на тех, что растут в кадках, — зреют апельсины; еще того неразумнее возмущаться, что ими пестрят старенькие занавески и выцветшие обои. Но для него, как ни странно, эти узоры в виде красно-золотых солнц, перемежающихся кое-где серебряными лунами, были квинтэссенцией всего самого недопустимого.

Они воплощали в его глазах слабых характерность и падение нравов, которые он, исходя из своих принципов, осуждал в современном обществе и которые он, исходя из своих предрассудков, связывал с теплом и негой юга. Его раздражал даже вид потемневшего полотна, на котором неясно вырисовывался неизменный пастушок Ватто [2] со своей гитарой, или голубой кафель с обязательным купидончиком верхом на дельфине. Здравый смысл мог бы подсказать ему, что все эти предметы он, наверное, не раз видел в витринах магазинов на Пятой авеню, однако здесь они были для него дразнящими голосами сирен — исчадий языческого Средиземноморья. Внезапно все вокруг него переменилось, как меняется неподвижное отражение в зеркале, когда по нему промелькнет быстролетная тень, и комнату наполнило чье-то требовательное присутствие. Он медленно, даже нехотя, обернулся и понял, что перед ним — знаменитая Гипатия, о которой он столько читал и слышал в течение многих лет.

Гипатия Поттер, урожденная Хард, обладала той особенной красотой, в применении к которой эпитет «лучистая» сохраняет свое первоначальное, прямое значение: ее воспетая газетчиками Индивидуальность исходила от

нее в виде ослепительных лучей. Она не стала бы менее красивой и сделалась бы, кое на чей вкус, только более привлекательной, если бы не столь щедро одаривала всех этими лучами, но ее учили, что подобная замкнутость — чистейший эгоизм.

Она могла бы сказать, что целиком отдала себя на службу обществу; правильнее было бы сказать, что она, наоборот, обрела себя на службе обществу; но так или иначе служила она обществу вполне добросовестно. И поэтому ее ослепительные голубые глаза действительно разили, точно мифические стрелы Купидона, которые убивают на расстоянии. Впрочем, цели, которых она при этом добивалась, носили абстрактный характер, выходящий за пределы обычного кокетства. От белокурых, почти бесцветных волос, уложенных вокруг головы в виде ангельского нимба, казалось, исходила электрическая радиация. Когда же она поняла, что стоящий перед ней незнакомец — не кто иной, как мистер Эгер Рок из «Миннеаполисского метеора», ее глаза заработали, как сверхмощные прожекторы, обшаривающие горизонты Соединенных Штатов.

Однако на этот раз, как вообще иногда случалось, прекрасная дама ошиблась. Сейчас Эгер Рок не был Эгером Роком из «Миннеаполисского метеора».

Он был просто Эгером Роком, и в душе его возник могучий и чистый моральный порыв, не имевший ничего общего с грубой деятельностью газетного репортера.

Сложное, смешанное — рыцарское и национальное — чувство красоты и вдруг родившаяся потребность немедленно совершить какой-нибудь высоконравственный поступок, — также черта национальная, — придали ему храбрости выступить в новой возвышенно-оскорбительной роли. Он припомнил другую Гипатию, прекрасную последовательницу неоплатоников, припомнил свой любимый эпизод из романа Кингсли [3], где молодой монах бросает героине упрек в распутстве и идолопоклонстве. И, остановившись перед Гипатией Поттер, строго и твердо произнес:

— Прошу прощенья, мадам, но я хотел бы сказать вам несколько слов с глазу на глаз.

— Ну, что ж, — ответила она, обводя комнату своим сияющим взором, — только можно ли считать, что мы с вами здесь с глазу на глаз?

Рок тоже оглядел комнату, но не увидел никаких признаков жизни, кроме апельсиновых деревьев в кадках да еще одного предмета, который был похож на огромный черный гриб, но оказался шляпой какого-то священника, флегматично курившего черную мексиканскую сигару и в остальном столь же неподвижного, как и всякое растение. Задержав взгляд

на тяжелых, невыразительных чертах его лица, Рок отметил про себя деревенскую неотесанность, довольно обычную для священников латинских и в особенности латиноамериканских стран, и, рассмеявшись, слегка понизил голос.

— Ну, не думаю, чтоб этот мексиканский падре понимал наш язык. Где этим ленивым увальням выучить какой-нибудь язык, кроме своего! Конечно, я не поклянусь, что он мексиканец, он может быть кем угодно: метисом или мулатом, например. Но что это не американец, я ручаюсь, — среди нашего духовенства нет таких низкосортных типов.

— Собственно говоря, — произнес низкосортный тип, вынув изо рта черную сигару, — я англичанин. Моя фамилия Браун. Но могу, если угодно, уйти отсюда, чтобы не мешать вам.

— Если вы англичанин, — в сердцах обратился к нему Рок, — вы должны испытывать естественный нордический протест против всего этого безобразия.

Довольно, если я скажу, что здесь, в окрестностях отеля, бродит чрезвычайно опасный человек, высокого роста, в плаще, как эти безумные стихотворцы со старинных портретов.

— Ну, это еще мало о чем говорит, — мягко заметил священник, — такие плащи здесь носят очень многие, потому что после захода солнца сразу становится холодно.

Рок метнул на него мрачный настороженный взгляд, как будто бы подозревал тут какую-то увертку в пользу широкополых шляп и лунного света.

— Дело не только в плаще, — проворчал он, — хотя, конечно, надет он был странно. Весь облик этого человека — театральный, вплоть до его проклятой театральной красоты. И если вы позволите, мадам, я бы настоятельно советовал вам не иметь с ним ничего общего, вздумай он сюда явиться. Ваш муж уже приказал служащим отеля не впускать его...

Но тут Гипатия вскочила и каким-то странным жестом закрыла лицо, запустив пальцы в волосы. Казалось, тело ее сотрясали рыдания, но когда она снова взглянула на Рока, обнаружилось, что она хохочет.

— Ах, какие же вы смешные! — проговорила она и, что было совсем не в ее стиле, со всех ног бросилась к двери и исчезла.

— Этот смех похож на истерику, — немного смутившись, заметил Рок и растерянно обратился к маленькому священнику. — Понимаете, я считаю, что раз вы англичанин, то, во всяком случае, должны быть на моей стороне против разных этих латинян. Право, я не из тех, кто разглагольствует об англосаксах, но ведь есть же такая наука, как история. Всегда можно

доказать, что цивилизацию Америке дала Англия.

— Следует также признать, дабы смирить нашу гордыню, — сказал отец Браун, — что Англии цивилизацию дали латиняне.

И опять у Рока появилось неприятное чувство, что собеседник в чем-то скрытно и неуловимо его опровергает, отстаивая ложные позиции; и он буркнул, что не понимает, о чем идет речь.

— А как же, был, например, один такой латинянин, или, может, правильнее сказать, итальяшка, по имени Юлий Цезарь, его еще потом зарезали: сами знаете, как они любят поножовщину. И был другой, по имени Августин [4], который принес христианство на наш маленький остров. Без этих двух невелика была бы сейчас наша цивилизация.

— Ну, это все древняя история, — раздраженно сказал журналист. — А я интересуюсь современностью. И я вижу, что эти негодяи несут язычество в нашу страну и уничтожают остатки христианства. И к тому же уничтожают остатки нашего здравого смысла. Установившиеся обычаи, твердые общественные порядки, традиционный образ жизни фермеров, какими были наши отцы и деды, — все, все превращается в этакую горячую кашницу, сдобренную нездоровыми чувствами и сенсациями по поводу разводов кинозвезд, и теперь глупые девчонки стали считать, что брак — это всего лишь способ получить развод.

— Совершенно верно, — сказал отец Браун. — Разумеется, в этом я полностью с вами согласен. Но не будем судить слишком строго. Возможно, что южане действительно несколько более подвержены слабостям такого рода. Нельзя забывать, однако, что и у северян есть свои слабости. Может быть, здешняя атмосфера в самом деле излишне располагает к простой романтике...

Но при последнем слове извечное негодование вновь забушевало в груди Эгера Рока.

— Ненавижу романтику, — провозгласил он, ударив кулаком по столу. — Вот уже сорок лет, как я изгоняю это безобразие со страниц тех газет, для которых работаю. Стоит любому проходимцу удрать с какой-нибудь буфетчицей, и это уже называют тайным романтическим браком или еще того глупее. И вот теперь нашу собственную Гипатию Хард, дочь порядочных родителей, пытаются втянуть в безнравственный романтический бракоразводный процесс, о котором газеты раструбят по всему миру с таким же восторгом, как об августейшем бракосочетании. Этот безумный поэт Романес преследует ее, и, можете не сомневаться, вслед за ним сюда передвинется прожектор всеобщего внимания, словно он — кумир экрана, из тех, что у них именуются Великими Любовниками.

Я его видел по дороге — у него лицо настоящего киногероя. Ну, а мои симпатии — на стороне порядочности и здравого смысла. Мои симпатии на стороне бедного Поттера, простого, честного биржевого маклера из Питсбурга, полагающего, что он имеет право на собственный домашний очаг. И он борется за него. Я слышал, как он кричал на служащих, чтобы они не впускали того негодяя. И правильно делал. Народ здесь, в отеле, на мой взгляд, хитрый и жуликоватый, но он их припугнул как следует.

— Я склонен разделить ваше мнение об управляющем и служащих этого отеля, — отозвался отец Браун. — Но ведь нельзя же судить по ним обо всех мексиканцах. Кроме того, по-моему, джентльмен, о котором вы говорите, не только припугнул их, но и подкупил, раздав немало долларов, чтобы переманить их на свою сторону. Я видел, как они запирали двери и очень оживленно шептались друг с другом. Кстати сказать, у вашего простого честного приятеля, видимо, куча денег.

— Я не сомневаюсь, что дела его идут успешно, — сказал Рок. — Он принадлежит к типу наших преуспевающих толковых бизнесменов. А вы что, собственно, хотите этим сказать?

— Я думал, может быть, мои слова натолкнут вас на другую мысль, — ответил отец Браун, с тяжеловесной учтивостью простился и вышел из комнаты.

Вечером за ужином Рок внимательно следил за Поттерами. Его впечатления обогатились, хотя ничто не поколебало его уверенности в том, что зло угрожает дому Поттера. Сам Поттер оказался человеком, заслуживающим более пристального внимания: журналист, который вначале счел его простым и прозаичным, теперь с удовольствием обнаружил черты утонченности в том, кого он считал героем, или, вернее, жертвой происходящей трагедии. Действительно, лицо у Поттера было интеллигентное и умное, однако с озабоченным и временами раздраженным выражением. У Рока создалось впечатление, что этот человек оправляется после недавней болезни; его неопределенного цвета волосы были редкими и довольно длинными, как будто бы их давно не стригли, а весьма необычного вида борода тоже казалась какой-то запущенной. За столом он раза два обратился к своей жене с какими-то резкими язвительными замечаниями, а больше возился с желудочными пилюлями и другими изобретениями медицинской науки. Однако по-настоящему озабочен он был, разумеется, лишь той опасностью, что грозила извне. Его жена подыгрывала ему в великолепной, хотя, может быть, слегка снисходительной манере Терпеливой Гризельды, но глаза ее тоже беспрестанно устремлялись на двери и ставни, как будто бы она

боялась и в то же время ждала вторжения. После загадочной истерики, которую наблюдал у нее Рок, он имел основания опасаться, что чувства ее носят противоречивый характер.

Но главное событие, о котором ведется здесь речь, произошло поздно ночью. В полной уверенности, что все уже разошлись спать, Рок решил наконец подняться к себе в номер, но, проходя через холл, с удивлением заметил отца Брауна, который сидел в уголке под апельсиновым деревом и невозмутимо читал книгу. Они обменялись пожеланиями спокойной ночи, и журналист уже поставил ногу на первую ступеньку лестницы, как вдруг наружная дверь подпрыгнула на петлях и заходила под яростными ударами, которые кто-то наносил снаружи, громовой голос, перекрывая грохот ударов, потребовал, чтобы дверь немедленно открыли. Журналист почему-то был уверен, что удары наносились заостренной палкой вроде альпенштока. Перегнувшись через перила, он увидел, что на первом этаже, где свет уже был погашен, взад и вперед снуют слуги, проверяют запоры, но не снимают их, удостоверившись в этом, он немедленно поднялся к себе в номер. Здесь он сразу уселся за стол и с яростным воодушевлением принялся писать статью для своей газеты.

Он описывал осаду отеля; его дешевую пышность, атмосферу порока, хитрые увертки священника, и сверх всего ужасный голос, проникающий извне, подобно вою волка, рыщущего вокруг дома. И вдруг мистер Рок выпрямился на своем стуле. Прозвучал протяжный, дважды повторенный свист, который был ему вдвойне ненавистен, потому что напоминал и сигнал заговорщиков, и любовный призыв птиц. Наступила полная тишина. Рок замер, вслушиваясь. Спустя несколько мгновений, он вскочил, так как до него донесся новый шум. Что-то пролетело, с легким шелестом рассекая воздух, и упало с отчетливым стуком — какой-то предмет швырнули в окно. Повинуясь зову долга, Рок спустился вниз — там было темно и пусто, вернее, почти пусто, потому что маленький священник по-прежнему сидел под апельсиновым деревцем и при свете настольной лампы читал книгу.

— Вы, видимо, поздно ложитесь спать, — сердито заметил Рок.

— Страшная распушенность, — сказал отец Браун, с улыбкой поднимая голову, — читать «Экономику ростовщичества» глубокой ночью.

— Все двери заперты, — сказал Рок.

— Крепко-накрепко, — подтвердил священник. — Кажется, ваш бородатый приятель принял необходимые меры. Кстати сказать, он немного напуган. За обедом он был сильно не в духе, на мой взгляд.

— Вполне естественно, когда у человека прямо на глазах дикари в этой стране пытаются разрушить его семейный очаг.

— Было бы лучше, — возразил отец Браун, если бы человек, вместо того чтобы оборонять свой очаг от нападения извне, постарался укрепить его изнутри, вы не находите?

— О, я знаю все ваши казуистические увертки, — ответил его собеседник. — Может быть, он и был резковат со своей женой, но ведь право на его стороне. Послушайте, вы мне кажетесь не таким уж простачком. Вы, наверно, знаете больше, чем говорите. Что, черт возьми, здесь происходит? Почему вы тут сидите всю ночь и наблюдаете?

— Потому что я подумал, — добродушно ответил отец Браун, — что моя спальня может понадобиться.

— Понадобиться? Кому?

— Дело в том, что миссис Поттер нужна была отдельная комната, — с безмятежной простотой объяснил отец Браун. — Ну, я и уступил ей мою, потому что там можно открыть окно. Сходите посмотрите, если угодно.

— Ну, нет. У меня найдется для начала забота поважнее, — скрежеща зубами, проговорил Рок. — Вы можете откалывать свои обезьяньи шутки в этом мексиканском обезьяннике, но я-то еще не потерял связи с цивилизованным миром.

Он ринулся к телефонной будке, позвонил в свою редакцию и поведал им по телефону историю о том как преступный священник оказывал содействие преступному поэту. Затем он устремился вверх по лестнице, вбежал в номер, принадлежавший священнику, и при свете единственной свечи, оставленной владельцем на столе, увидел, что все окна в номере раскрыты настежь.

Он успел еще заметить, как нечто, напоминающее веревочную лестницу, соскользнуло с подоконника, и, взглянув вниз, увидел на газоне перед домом смеющегося мужчину, который сворачивал длинную веревку. Смеющийся мужчина был высок и черноволос, а рядом с ним стояла светловолосая, но также смеющаяся дама. На этот раз мистер Рок не мог утешаться даже тем, что смех ее истеричен. Слишком уж естественно он звучал. И мистер Рок в ужасе слушал, как звенел этот смех на дорожках сада, по которым она уходила в темноту зарослей со своим трубадуром.

Эгер Рок повернул к священнику лицо — не лицо, а грозный лик Страшного суда.

— Вея Америка узнает об этом, — произнес он. — Вы, попросту говоря, помогли ей сбежать с ее кудрявым любовником.

— Да, — сказал отец Браун. — Я помог ей сбежать с ее кудрявым любовником.

— Вы, считающий себя слугой Иисуса Христа! — воскликнул Рок. —

Вы похваляетесь своим преступлением!

— Мне случалось раз или два быть замешанным в преступлениях, — мягко возразил священник. — К счастью, на этот раз обошлось без преступления. Это просто тихая семейная идиллия, которая кончается при теплом свете домашнего очага.

— Кончается веревочной лестницей, а надо бы веревочной петлей, — сказал Рок. — Ведь она же замужняя женщина.

— Конечно.

— Ну, и разве долг не предписывает ей находиться там, где ее муж?

— Она находится там, где ее муж, — сказал отец Браун.

Собеседник его пришел в ярость.

— Вы лжете! — воскликнул он. — Бедный толстяк и сейчас еще храпит в своей постели.

— Вы, видимо, неплохо осведомлены о его личной жизни, — сочувственно заметил отец Браун. — Вы бы, наверно, могли издать жизнеописание Человека с Бородой. Единственное, чего вы так и не удосужились узнать про него, так это — его имя.

— Вздор, — сказал Рок. — Его имя записано в книге для приезжих.

— Вот именно, — кивнул священник. Такими большими буквами: Рудель Романес. Гипатия Поттер, которая приехала к нему сюда, смело поставила свое имя чуть пониже, так как намерена была убежать с ним, а ее муж поставил свое имя чуть пониже ее имени, в знак протеста, когда настиг их в этом отеле.

Тогда Романес (у которого, как у всякого популярного героя, презирающего род человеческий, куча денег) подкупил этих негодяев в отеле, и они заперли все двери, чтобы не впустить законного мужа. А я, как вы справедливо заметили, помог ему войти.

Когда человек слышит нечто, переворачивающее все в мире вверх ногами: что хвост виляет собакой, что рыба поймала рыбака, что земля вращается вокруг луны, — проходит время, прежде чем он может всерьез переспросить, не ослышался ли он. Он еще держится за мысль, что все это абсолютно противоречит очевидной истине. Наконец Рок произнес:

— Вы что, хотите сказать, что бородатый человек — это романтик Рудель, о котором так много пишут, а кудрявый парень — мистер Поттер из Питсбурга?

— Вот именно, — подтвердил отец Браун. — Я догадался с первого же взгляда. Но потом удостоверился.

Некоторое время Рок размышлял, а затем проговорил:

— Не знаю, может быть, вы и правы. Но как такое предположение

могло прийти вам в голову перед лицом фактов?

Отец Браун как-то сразу смутился, он опустился на стул и с бессмысленным видом уставился перед собой. Наконец легкая улыбка обозначилась на его круглом и довольно глупом лице, и он сказал:

— Видите ли, дело в том, что я не романтик.

— Черт вас знает, что вы такое, — грубо вставил Рок.

— А вот вы — романтик, — сочувственно продолжал отец Браун. — Вы, например, видите человека с поэтической внешностью и думаете, что он — поэт?

А вы знаете, как обычно выглядят поэты? Сколько недоразумений породило одно совпадение в начале девятнадцатого века, когда жили три красавца, аристократа и поэта: Байрон, Гете и Шелли! Но в большинстве случаев, поверьте, человек может написать. «Красота запечатлела у меня на устах свой пламенный поцелуй», — или что там еще писал этот толстяк, отнюдь не отличаясь при этом красотой. Кроме того, представляете ли вы себе, какого возраста обычно достигает человек к тому времени, когда слава его распространяется по всему свету? Уотс [5] нарисовал Суинберна с пышным ореолом волос, но Суинберн был лысым еще до того, как его поклонники в Америке или в Австралии впервые услышали об его гиацинтовых локонах. И Д'Аннунцио [6] тоже. Собственно говоря, у Романеса до сих пор внешность довольно примечательная — вы сами можете в этом убедиться, если приглядитесь внимательнее. У него лицо человека, обладающего утонченным интеллектом, как оно и есть на самом деле. К несчастью, подобно многим другим обладателям утонченного интеллекта, он глуп. Он опустился и погряз в эгоизме и заботах о собственном пищеварении. И честолюбивая американская дама, полагавшая, что побег с поэтом подобен воспарению на Олимп к девяти музам, обнаружила, что одного дня с нее за глаза довольно. Так что к тому времени, когда появился ее муж и штурмом взял отель, она была счастлива вернуться к нему.

— Но муж? — недоумевал Рок. — Этого я никак в толк не возьму.

— А-а, не читайте так много современных эротических романов, — сказал отец Браун и опустил веки под пламенным протестующим взором своего собеседника. — Я знаю, все эти истории начинаются с того, что сказочная красавица вышла замуж за старого борова-финансиста. Но почему? В этом, как и во многих других вопросах, современные романы крайне несовременны. Я не говорю, что этого никогда не бывает, но, этого почти не бывает в настоящее время, разве что по собственной вине

героини. Теперь девушки выходят замуж за кого хотят, в особенности избалованные девушки вроде Гипатии. За кого же они выходят? Такая красивая и богатая мисс обычно окружена толпой поклонников, кого же она выберет? Сто шансов против одного, что она выйдет замуж очень рано и выберет себе самого красивого мужчину из тех, с кем ей приходится встречаться на балах или на теннисном корте. И, знаете ли, обыкновенные бизнесмены бывают иногда красивыми. Явился молодой бог (по имени Поттер), и ее совершенно не интересовало, кто он, маклер или взломщик.

Но при данном окружении, согласитесь сами, гораздо вероятнее, что он окажется маклером. И не менее вероятно, что его будут звать Поттером.

Видите, вы оказались таким неизлечимым романтиком, что целую историю построили на одном предположении, будто человека с внешностью молодого бога не могут звать Поттером. Поверьте, имена даются людям вовсе не так уж закономерно.

— Ну? — помолчав, спросил журналист. — А что же, по-вашему, произошло потом?

Отец Браун порывисто поднялся со стула, пламя свечи дрогнуло, и тень от его короткой фигуры, протянувшись через всю стену, достигла потолка, вызывая странное впечатление, словно соразмерность вещей в комнате вдруг нарушилась.

— А, — пробормотал он, — в этом-то все зло. В этом настоящее зло. И оно куда опаснее, чем старые индейские демоны, таящиеся в здешних джунглях. Вы вот подумали, что я выгораживаю латиноамериканцев со всей их распущенностью, так вот, как это ни странно, — и он посмотрел на собеседника сквозь очки совиными глазами, — как это ни невероятно, но в определенном смысле вы правы. Вы говорите: «Долой романтику». А я говорю, что готов иметь дело с настоящей романтикой, тем более что встречается она не часто, если не считать пламенных дней ранней юности. Но, говорю я, уберите «интеллектуальное единение», уберите «платонические союзы», уберите «высший закон самоосуществления» и прочий вздор, тогда я готов встретить лицом к лицу нормальный профессиональный риск в моей работе. Уберите любовь, которая на самом деле не любовь, а лишь гордыня и тщеславие, реклама и сенсация, и тогда мы готовы бороться с настоящей любовью — если в этом возникнет необходимость, а также с любовью, которая есть вожделение и разврат.

Священникам известно, что у молодых людей бывают страсти, точно так же, как докторам известно, что у них бывает корь. Но Гипатии Поттер сейчас по меньшей мере сорок, и она влюблена в этого маленького поэта не больше, чем если бы он был издателем или агентом по рекламе. В том-то и

все дело: он создавал ей рекламу. Ее испортили ваши газеты, жизнь в центре всеобщего внимания, постоянное желание видеть свое имя в печати, пусть даже в какой-нибудь скандальной истории, лишь бы она была в должной мере «психологична» и шикарна. Желание уподобиться Жорж Санд, чье имя навеки связано с Альфредом де Мюссе. Когда ее романтическая юность прошла, Гипатия впала в грех, свойственный людям зрелого возраста, — в грех рассудочного честолюбия. У самой у нее рассудка кот наплакал, но для рассудочности рассудок ведь не обязателен.

— На мой взгляд, она очень неглупа, в некотором смысле, — заметил Рок.

— Да, в некотором смысле, — согласился отец Браун. — В единственном смысле — в практическом. В том смысле, который ничего общего не имеет со здешними ленивыми нравами. Вы посылаете проклятия кинозвездам и говорите, что ненавидите романтику. Неужели вы думаете, что кинозвезду, в пятый раз выходящую замуж, свела с пути истинного романтика?

Такие люди очень практичны, практичнее, чем вы, например. Вы говорите, что преклоняетесь перед простым, солидным бизнесменом. Что же вы думаете, Рудель Романес — не бизнесмен? Неужели вы не понимаете что он сумел оценить — не хуже, чем она, — все рекламные возможности своего последнего громкого романа с известной красавицей? И он прекрасно понимал также, что позиции у него в этом деле довольно шаткие. Поэтому он и суетился так, и прислугу в отеле подкупил, чтобы они заперли все двери. Я хочу только сказать вам, что на свете было бы гораздо меньше скандалов и неприятностей, если бы люди не идеализировали грех и не стремились прославиться в роли грешников. Может быть, эти бедные мексиканцы кое-где и живут, как звери, или, вернее, грешат, как люди, но, по крайней мере, они не увлекаются «идеалами». В этом следует отдать им должное.

Он снова уселся так же внезапно, как и встал, и рассмеялся, словно прося извинения у собеседника.

— Ну вот, мистер Рок, — сказал он, вот вам мое полное признание, ужасная история о том, как я содействовал побегу влюбленных. Можете с ней делать все, что хотите.

— В таком случае, — заявил мистер Рок, поднимаясь, я пройду к себе в номер и внесу в свою статью кое-какие поправки. Но прежде всего мне нужно позвонить в редакцию и сказать, что я наговорил им кучу вздора.

Не более получаса прошло между первым звонком Рока, когда он сообщил о том, что священник помог поэту совершить романтический

побег с прекрасной дамой, и его вторым звонком, когда он объяснил, что священник помешал поэту совершить упомянутый поступок, но за этот короткий промежуток времени родился, разросся и разнесся по миру слух о скандальном происшествии с отцом Брауном. Истина и по сей день отстаёт на полчаса от клеветы, и никто не знает, где и когда она её настигнет. Благодаря болтливости газетчиков и стараниям врагов первоначальную версию распространили по всему городу ещё раньше, чем она появилась в печати. Рок незамедлительно выступил с поправками и опровержениями, объяснив в большой статье, как все происходило на самом деле, однако отнюдь нельзя утверждать, что противоположная версия была тем самым уничтожена. Просто удивительно какое множество людей прочитали первый выпуск газеты и не читали второго. Все вновь и вновь, во всех отдаленных уголках земного шара, подобно пламени, вспыхивающему из-под почерневшей золы, оживало «Скандальное происшествие с отцом Брауном, или Патер разрушает семью Поттера». Неутомимые защитники из партии сторонников отца Брауна гонялись за ней по всему свету с опровержениями, разоблачениями и письмами протеста. Иногда газеты печатали эти письма, иногда — нет. И кто бы мог сказать, сколько оставалось на свете людей, слышавших эту историю, но не слышавших её опровержения? Можно было встретить целые кварталы, население которых все поголовно было убеждено, что мексиканский скандал — такое же бесспорное историческое событие, как Пороховой заговор [2]. Кто-нибудь просвещал наконец этих простых, честных жителей, но тут же обнаруживалось, что старая версия опять возродилась в небольшой группе вполне образованных людей, от которых уж, казалось, никак нельзя было ожидать такого неразумного легковерия.

Видно, так и будут вечно гоняться друг за другом по свету два отца Брауна: один бессовестный преступник, скрывающийся от правосудия, второй — страдалец, сломленный клеветой и окруженный ореолом реабилитации. Ни тот, ни другой не похож на настоящего отца Брауна, который вовсе не сломлен; шагая по жизни своей не слишком-то изящной походкой, несет он в руке неизменный зонт, немало повидавший на своем веку, к людям относится доброжелательно и принимает мир как товарища, но не как судьбу делам своим.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

Note1

насмешливое название американских журналисток sentimentalного направления

Note2

Ватто Антуан [1684-1721) — французский художник

Note3

Кингсли Чарльз (1819-1875) — английский писатель и англиканский священник

Note4

монах Бенедиктинского ордена, посланный в VI в. в Англию папой Григорием I для насаждения христианства среди англосаксов, впоследствии первый архиепископ Кентерберийский

Note5

Уотс Джордж Фредерик (1817-1904) — английский художник и скульптор

Note6

Д'Аннунцио Габриеле (1863-1938) итальянский писатель

Note7

неудавшееся покушение на жизнь английского короля Якова I Стюарта, совершенное католиками 5 ноября 1605 г.